

НОВЫЙ

Цѣна отд. № — 15 коп.

САТИРИКОН

№ 8

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

25 ЮЛЯ.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей Аркадія Аверченко, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Рис. Ре-Ми.

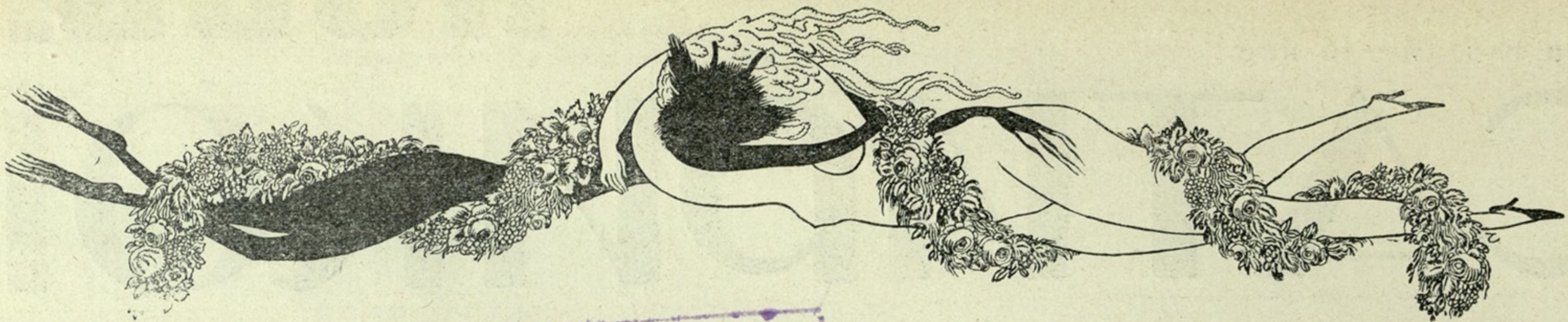

СМЕРТЬ — СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Ни въ одну войну число замученныхъ, зѣрски изуродованныхъ солдатъ на полѣ битвы—недостигало такого количества, какъ въ Балканскую войну.

(Изъ газетъ).

— Вотъ ужъ никакъ я не думала чтобы меня ждали здѣсь такъ настойчиво, а встрѣчали такъ радостно!..

ПЕНСНЭ КОРОЛЯ.

(Изъ португальскихъ мотивовъ).

Короля лишили престола.
Такъ любилъ его добрый народъ
Безъ различія возраста и пола —
И вдругъ глупое слово: гнетъ.
И еще болѣе пошлое: свобода!
Король едва убѣжалъ
Отъ обожавшаго его народа:
Увидѣлъ безъ флаговъ вокзалъ,
Увидѣлъ курившаго жандарма,
Чего онъ не видѣлъ во-вѣкъ,
Увидѣлъ каюту безъ всякаго шарма,
И — сталъ въ Англии жить, какъ человѣкъ...
Легко это сказать про человѣка,
Но чтобъ на дѣлѣ ему подражать,
Нельзя цѣлый день, какъ калѣка,
На шелковой козеткѣ лежать!
Что-же дѣлать? Король этой думой
Дни и ночи массировалъ умъ,
Обладая достаточной суммой,
Чтобы оплачивать медлительность думъ.
Но сколько ни думалъ — напрасно:
Онъ дѣлать ничего не умѣлъ...
Какъ вдругъ въ это время король несчастный
(Не отъ слезъ-ли?) глазами заболѣлъ.
Глазной профессоръ, трясаясь отъ почтенья,
Прописалъ пенснэ для короля.
И во второе же замѣтилъ посѣщенье,
Что король все поетъ: тру-ля-ля...
Словно избѣжавшій меча Дамокла,
Наслаждался король жизнью взасть:
То снималъ пенснэ, то теръ стекла,
То опять надѣвалъ на носъ...
Наконецъ, на двѣнадцатомъ блюдѣ
Эксъ-королевскаго diner
Онъ вскользь молвилъ: „профессоръ, вѣдь не
всѣ люди

Умѣютъ носить пенснэ?“

Ал. Вознесенскій.

ТОРНАЯ ДОРОГА.

Какъ дошла ты до жизни такой?

I.

Когда я вошелъ въ пріемную министра, тамъ уже сидѣло нѣсколько пріѣзжихъ провинціальнахъ губернаторовъ.

Я скромно усѣлся на краешкѣ стула и погрузился въ ожиданіе.

— ...Чѣмъ могу служить? — раздался около меня то бархатный голосъ.

Я всталъ. Передо мной стоялъ министръ.

— Чѣмъ могу служить?

— Ваше высокопр-во, — сказалъ я. — Мнѣ хочется быть губернаторомъ.

— Гм!.. Какіе же у васъ есть для этого основанія?

— Какъ, какія? Хочется быть губернаторомъ, да и только. Вы думаете, не сьумѣю?

— Губернаторомъ трудно быть, — неопредѣленно возразилъ министръ.

— А вотъ они же... Губернаторы? И ничего! Справляются. Чѣмъ я хуже ихъ.

— Да... но я васъ не знаю, — нерѣшительно сказалъ министръ.

— Ваше высокопр-во! Протекція? У меня есть самая могущественная.

— ?!!

— Вы, ваше высокопр-во! Я вижу, я вамъ понравился, васъ очаровало мое прямодушіе — и вы, конечно, не откажетесь замолвить за меня самому себѣ словечко...

— Значить, хотите у насъ служить?

— Служить.

— Губернаторомъ?

— Губернаторомъ.

— Ну, чтожъ... Можно.

Когда министръ вышелъ, всѣ другіе губернаторы набросились на меня.

— Что это вамъ вздумалось?

— Полѣзь... тоже!

— Не воображаете-ли вы, что быть губернаторомъ такъ легко?

Я отвѣтилъ очень нравоучительно:

— Это вы думаете, господа, что губернаторомъ быть легко. А я этого не думаю... Я знаю, какую великую ношу на себя взваливаю, но я бодро понесу ее на благо ввѣреннаго мнѣ населенія.

— Эхъ, — сказалъ одинъ старикъ со звѣздой. — Сколько мы этихъ кислыхъ словъ слышали. А кончится тѣмъ, что начнете высылать евреевъ, да вредныя книжки въ городскихъ читальняхъ жечь...

— Я?! Жечь книжки?! Высылать евреевъ?! Хорошаго же вы мнѣнія о дѣятельности губернаторовъ!! И разговаривать-то съ вами больше я не хочу... Я вижу, что вы за фрукты такіе!

Ушелъ я, обиженный, но полный самыхъ интересныхъ плановъ.

II.

Пріѣхавъ въ свой городъ, я прямо въ вокзала отправился въ канцелярію. Меня встрѣтилъ правитель канцеляріи, вице-губернаторъ, и оба они сказали, что имъ будетъ пріятно работать подъ руководствомъ такого хорошаго человѣка.

Я очень этому обрадовался.

— Такъ начнемте-же работать! Скажите мнѣ, какія самыя неотложныя нужды этой губерніи?

— Вотъ тутъ есть одинъ... Агапитъ Аксеновъ... Крестьянинъ.

— Ну?

— Вынулъ револьверъ на базарѣ, произвелъ буйство, толкнулъ околочнаго.

— Ну?

— Такъ вотъ нужно бы его... Мѣсяца на три, что ли.

— Ага! Ну, хорошо, хорошо. Посадите. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, толкаться. А я спрашиваю, какіе неотложныя нужды... Понимаете? Я хочу работать.

— Какже, какже! Понятно. Тогда вотъ торговые ряды...

— Ну, ну?

— У купца Нила Трындина. Лавка грязно держится, покупатели жалуются. На сто бы его рублей за это.

— Чтобъ зналъ, — добавилъ правитель канцеляріи.

— Вы говорите, на сто? — переспросилъ я, желая поддержать свой авторитетъ. — На сто нельзя. Много.

Оштрафуйте этого Нила на 94 рубля 50 копѣекъ.

— Слушаю-сь.

— А какія еще дѣла есть?

— Больше никакихъ. Честь имѣемъ кланяться.

III.

Я сидѣлъ въ канцеляріи и говорилъ:

— Я хочу работать, понимаете? На благо ввѣреннаго мнѣ населенія. А вы мнѣ уже который день подсовываете штрафы на загулявшихъ мѣщанъ, да взысканія за недоброкачественную рыбу. А я хочу работать. Понимаете?

Правитель канцелярии сказал:

— Понимаю.

— Ну, вотъ. Что вонъ тотъ человекъ, напимърь, дѣлаетъ въ канцелярии, тотъ, съ кривымъ носомъ?

— Составляетъ раскладочную вѣдомость.

— Ну, вотъ дайте — я ее составлю. Я работать хочу, понимаете?

— Стоитъ-ли вамъ возиться, ваше пр-во. Это работа простого канцеляриста. А вы вѣдь у насъ орелъ, голова!

— Ну, а вотъ тотъ, что дѣлаетъ? я хочу это тоже дѣлать.

— Вотъ тотъ? Онъ просто папиросу курить.

— Мнѣ работать хочется—понимаете? Ну, что вы, напимърь, дѣлаете?

— Что же я дѣлаю... Канцелярией завѣдую, просителей принимаю, бумаги подписываю.

— И я хочу... этого... Это дѣлать.

— Ваше пр-во! Удобно ли вамъ такой чепухой заниматься?! Вѣдь вы же губернаторъ!

III.

Нѣсколько дней просидѣлъ я дома. Бродилъ въ халатѣ и туфляхъ по комнатамъ губернаторскаго дома, барабанилъ пальцами по стекламъ оконъ и изрѣдка звонилъ по телефону въ канцелярію:

— Что новенькаго?

— Ничего. Одинъ тутъ пьяный въ пивной буйство устроилъ, такъ мы его на двѣ недѣли административно при полиціи!..

— А чего жъ вы со мной не посовѣтовались?

— Ну, осмѣлимся ли мы отнимать время такимъ вздоромъ.

Я отходилъ отъ телефона и снова бродилъ по унылымъ комнатамъ, насвистывая крайне неопредѣленный мотивъ.

Скучно мнѣ было. Тошнехонько.

IV.

На пятнадцатый день я потребовалъ мундиръ, экипажъ и приказалъ вести себя въ народную читальню.

Увидѣвъ меня, завѣдующій читальней поблѣднѣлъ, но я успѣшилъ успокоить его:

— Я ничего, я такъ. Просто заѣхалъ поглядѣть, какъ у васъ, вообще. Это книги?

— Такъ точно, книги.

— Для чтенія?

— Да, нѣкоторые читаютъ.

— Это какая книга? „Дѣти капитана Гранта“. Хорошая книга. Читаль... Только слушайте... Это здѣсь, кажется, находятъ въ водѣ бутылку съ рукописью?

— Такъ точно, здѣсь.

— Неудобно, знаете... дѣти прочтутъ... Сейчасъ ассоціи: бутылка, вино, пьянство... Неустановившіеся организмы... Отложите-ка эту книжечку. А это что? „Ночь подъ Рождество“? О чертяхъ тутъ что-то есть. Распространеніе суевѣрія въ народѣ... Потомъ Оксана съ кузнецомъ цѣлуется... Арцыбашевичина! На молодые организмы, того... Отложите! И эту тоже; и эту.

Когда я уходилъ, завѣдующій несмѣло спросилъ:

— Что-же дѣлать съ этими... съ отложенными?

Глухая борьба происходила во мнѣ, когда я думалъ надъ отвѣтомъ. Но неумолимые законы послѣдовательности властно заговорили во мнѣ. Я подавить вздохъ и сказалъ сурово:

— Сжечь.

И прибавилъ, послѣ колебанія:

— Неособенно только. Такъ, на легкомъ огнѣ. Въ тепломъ мѣстѣ.

V.

Какіе-то свѣтлые соки бродили во мнѣ, какой-то приливъ энергіи взвинчивалъ и бодрилъ меня, когда я приѣхалъ въ канцелярію.

Бесѣдуя у окна съ правителемъ канцелярии я увидѣлъ какого-то человекъ, шагавшаго по площади.

— Кто это?

— Мѣстный купецъ, еврей Исаакъ Шиндель.

— Послушайте,—нерѣшительно шепнулъ я.—А дайте его немножко вышлемъ, а?

— Можно. Что онъ въ самомъ дѣлѣ... по площади ходитъ. Я сейчасъ пойду распоряжусь.

— Да пусть заготовятъ списокъ и другихъ евреевъ,—крикнулъ я вдогонку.

И потеръ руки.

Впереди рисовался цѣлый Монбланъ хлопотливой работы, но я не боялся ея.

Хорошо найти цѣль своего существованія.

Юма Опискинъ.

Рис. И. Билибина.

ПОЭТЪ АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Однажды поэтъ сказалъ своему другу художнику И. Я. Билибину:

— Изъ всѣхъ физиологическихъ процессовъ я больше всего ненавижу ѣду.

— Позволь,—возразилъ художникъ,—но вѣдь ты жуешь чтонибудь цѣлый день и ночь?...

— Вотъ именно, потому и ненавижу. Заставь-ка тебя цѣлый день и ночь колоть дрова—что ты запоешь?

И печально добавилъ:

— Въ послѣднее время я сталъ ѣсть, какъ птичка...

— Какъ какая птичка? — переспросилъ обстоятельный Билибинъ.

— Знаешь, такія бываютъ... Маленькія. Еще изъ нихъ страусовыя перья для шляпъ дѣлаютъ...

БАБУШКИНО ГАДАНЬЕ.

Какъ сейчасъ помню я эту, запечатлѣнную еще въ дѣтствѣ, картину со всѣми ея смѣшными, можетъ быть, не важными, но родными деталями.

Вечеръ. Сквозь просвѣты опущенныхъ драпри ласково и какъ-то неуверенно заглядываютъ осеннія сумерки... Знаете — такія голубыя... Голубыя. Это сумерки... Вся гостиная похожа на чей-то громадный ротъ. Зубы — высокія кресла въ бѣлыхъ парусиновыхъ чехлахъ. По краямъ. Языкъ — красный пушистый коверъ, протянулся по скользкому паркету. Портретъ плѣшиваго, уютнаго человѣка со звѣздой на мундирѣ... Круглый присосій къ полу столъ. Диванъ... Дальше — запыленные печальные клавишныя... Робкія улыбки свѣчей... Мистически-тихий шелестъ картъ, которыя — худыя, цѣпкія бабушкины руки раскладываютъ въ замысловатую фигуру. Мои, горящіе любопытствомъ, глаза. Старыя набухшія карты... На лицѣ у бабушки плохо скрытое ожиданіе и готовность ко всему... Иногда я начинаю сомнѣваться въ бабушкиной порядочности — „не вѣдьма-ли“, думаю я и незамѣтно оглядываю бабушку съ ногъ до головы. Не найдя хвоста, нѣсколько успокаиваюсь...

Карты разложены. Нѣкоторыя, не привилегированныя, вынимаются и уходятъ въ кучу — отжившія... ненужныя...

Непринужденное молчаніе. Звукъ. Медленныя чеканныя слова... Гаданье.

— Индюкъ, Сереженька, скоро поправится; это его худые люди сглазили (Федюшка дворниковъ камнемъ). Куръ завтра съ выгодой продамъ, видишь — дорога

вышла денежная"... Шестерка червей... „На сердцѣ — покой вышелъ"... а за то, что ты бралъ варенье безъ спросу — тебя завтра Акимычъ высѣчетъ...

И все было вѣрно... Шли дни — падали кругленькія маленькія мѣдяшки... Когда судьба индюка и куръ не возбуждала сомнѣній — карты говорили только о томъ, что обѣдъ будетъ во-время, и клали на сердцѣ неизмѣнный „покой“...

Теперь, когда давно нѣтъ ни индюка, ни бабушки — самъ состарившійся и отяжелѣвшій, я нашелъ въ расстрекавшемся комодѣ старыя бабушкины карты. Нашелъ и объясненіе гаданія... Забытая сказка... На кускѣ пожелтѣвшаго пергамента...

„Гаданіе по системѣ профессора магіи и волхованія Юсифа Бри“ (Предсказываетъ исключительно счастливаю будущность)

!!! Важно для нервныхъ !!!

1) Черныя карты, какъ предвѣстники болѣзней и иныхъ неприятностей вынимаются изъ фигуры Большого Креста...

2) Желаящій исполненія желаній подкладываетъ подъ низъ девятку бубенъ, которая, выложенная послѣдней, и означаетъ!..“

Понимаете...

„Зачѣмъ же меня поролъ Акимычъ? Зачѣмъ?..“

Сергѣй Михѣевъ.

Рис. О. Шарлемань.

ЗАХУДАЛОСТЬ.

(Взглядъ назадъ).

Увы! Изжиты рамена
Кнута, лучины и пищали,
Когда мужичьи времена
Подъ гнетомъ барщины трещали.

Сѣдое прошлое страны
Покрылось сѣрой паутиной, —
Рабомъ сохи и бороны
Нельзя ворочать, какъ скотиной.

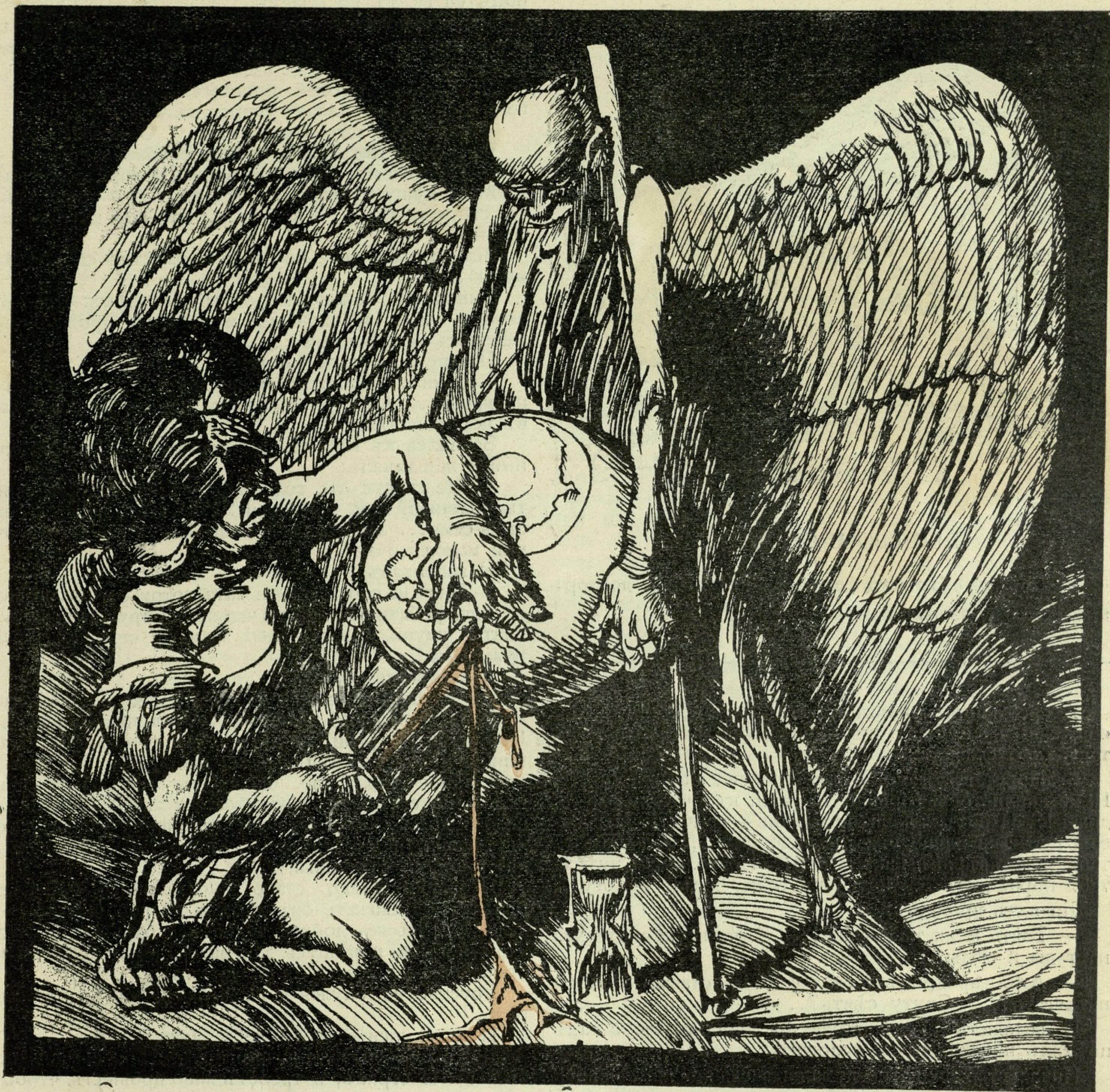
Шальные рыцари затѣи
И полупьяные „рубаки“
Не смѣютъ хамовыхъ дѣтей
Мѣнять на прелести собаки;

Не смѣютъ барскимъ кулакомъ, —
Какъ верхъ охотничей науки, —
Заставить бабу съ молокомъ
Нести обязанности суки.

Увы! Пора уже не та,
Когда лоза и кнутъ свистали,
И сами рыцари кнута,
По существу, иными стали.

Охоть — и тѣхъ ужъ не ведутъ, —
Мельчаетъ барственная каста:
Еще „на кнутъ“ деньжатъ найдутъ,
А „на собакъ“ и „бабу“ — баста!

Владиміръ Воиновъ.

БАЛКАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Сатурнъ: — Ты, Марсикъ, мечъ-то поверни въ ранѣ раза два... Чтобъ не такъ скоро заживало.

О НАСМѢШНИКѢ.

(Персидская сказка).

Что доподлинно мнѣ извѣстно, о томъ только въ сказкѣ и могу рассказать...

Родился такой человекъ — насмѣшникъ отъявленный... Родился и засмѣялся, а не заплакалъ, какъ дѣтямъ полагается, свѣтъ Божій увидѣвшимъ... И сталъ расти самъ по себѣ и выросъ самъ по себѣ, потому какъ человекъ трудно вырастить: ежели упрется — тyani не тyani — не вырастишь!..

А какъ выросъ, сталъ и доверчивымъ, оставаясь насмѣшливымъ.

— Эхъ, — подумалъ — люди вы, мои люди, какіе вы забавные, да славные!.. Притворяетесь только скверными, а вы просто милые, да смѣшные!..

А началось-то все съ маленькаго: пришелъ насмѣшникъ къ торговцу бутылку вина высокой марки купить и банановъ полдюжины... И сказалъ вотъ такъ, а не иначе:

— Будьте любезны, заверните все это...

Однимъ словомъ, доверился... Уплатилъ, не торгуясь, сколько слѣдовало, и домой отправился. Развер-

нулъ дома покупку, побаловаться вздумалъ: глотнулъ вина — поддѣльное!.. Даже пробка уксусная... Очи- стилъ бананъ — давно сгнилъ!.. Даже и вкусить не пришлось — кисель киселемъ!..

Улыбнулся:

— Бѣдные люди, бѣдный мой торговецъ!.. Должно быть, онъ очень нуждается, отъ нужды и надуваетъ покупателей.

Вернулся къ торговцу и сказалъ:

— Вы мнѣ продали поддѣльное скверное вино и гнилые бананы... Вы, вѣроятно, очень нуждаетесь... Позвольте оказать вамъ посильную помощь: вотъ я жертвую послѣдніе пять рублей, бѣдный мой гнилоторговецъ, на улучшение вашихъ продуктовъ...

Торговецъ сначала диву дался, а потомъ обидѣлся:

— Это какъ понять, намъ неизвѣстно... А вотъ пожалуйста въ участокъ, тамъ все разберутъ, тамъ все видно будетъ...

Увидѣлъ приставъ насмѣшника, сразу все видно стало... Буркалы выпучилъ, усы ошетирилъ, да какъ рывкнетъ:

— Насмѣшничать!.. Основы потрясать!.. А?... Взять его такого-сякого, показать ему Кузькину мать!..

Рис. Н. Радлова.

ДЕШЕВО И СЕРДИТО.

— Совѣтъ бѣднымъ людямъ, которымъ докторъ прописалъ грязевыя ванны.

А насмѣшникъ нашъ глаза широко раскрылъ, посмотрѣлъ на буйнаго пристава нѣжно-ласково и тихо, такъ тихо сказалъ:

— Приставъ ты, мой бѣдный персидскій приставъ!.. Приставили тебя, горькій ты мой, къ участку глотку драть!.. И вотъ хочешь не хочешь — кричи... И голосовыя связки давно уже ты надорвалъ... Жалко мнѣ тебя, приставъ, ахъ, какъ жалко!.. Позволь ужъ мнѣ за тебя поработать... Чего ужъ тамъ, давай помогу!..

Да какъ крикнетъ:

— Взять меня, такіе сякіе!.. Взять неукоснительно на туды и сюды!..

— Ага! — прохрипѣлъ самъ себѣ приставъ. — Основы потрясать?... Смуту сѣять?..

И засадилъ насмѣшника въ клоповникъ, а самъ поѣхалъ по начальству доложить.

Начальство долго не думало: засадило насмѣшника въ вонючую персидскую тюрьму на полгода.

Сидитъ насмѣшливый человѣкъ, въ каталажкѣ посиживаетъ и смотритъ на всѣхъ и на все довѣрчивыми глазами. Смотритъ нѣжно-ласково, улыбается...

Посмотрѣлъ на тюремщиковъ, посмотрѣлъ на арестантчиковъ и тихо, такъ тихо сказалъ:

— Милые вы мои арестантики!.. Какіе вы счастливы: всѣ-то вы здѣсь временные, срочные, а вотъ тюремщики ваши — тѣ безвременные, безсрочные... Они — то, именно, всамдѣлишніе арестанты разнесчастные!..

Арестанты ободрились, заулыбались, а тюремщики приуныли, прослезились:

— Вѣрно, баринъ батюшка, какая наша жизнь!.. Не жизнь, а каторга: отпирай, да запирай — только и свѣту Божьяго видишь!.. Такъ до самой смерти мы къ тюрьмѣ и приставлены... за пятьдесятъ-то цѣлковыхъ!.. Маемся, баринъ батюшка, да и эхъ какъ маемся!.. Жизнь наша го-орькая!..

Да какъ заревутъ...

Услышалъ — увидѣлъ все это главный начальникъ... И уперъ голову въ стѣну, чтобы мозги охладить. Думалъ три дня и три ночи — долго думалъ; мозгами, такъ ворочалъ, что они въ кашу превратились...

И брякнулъ:

— Бунтъ!..

Судили насмѣшника и осудили: повѣсить, какъ полагается въ узаконенномъ туалетѣ, со всѣми привилегіями, дарованными присужденнымъ къ смертной казни.

Идетъ насмѣшникъ на висѣлицу, рукой воздушные поцѣлуи всѣмъ посылаетъ, улыбается и штраусовскій вальсъ звонко насвистываетъ: даже палача смутилъ.

— Свиститъ и свиститъ, озорникъ этакій!.. Отказуюсь...

Полтора ста рублей предлагали, хирургическій дипломъ сулили, а палачъ уперся да и только:

— Свиститъ онъ и свиститъ!.. Отказуюсь...

Чего ужъ тамъ — всѣ палачи отказывались:

— Не можемъ, ваши благородія, потому какъ свистъ евойный душу мутитъ... Вотъ ей-ей, не привычны мы къ свистунамъ... Увольте... Не въ могу намъ все это...

Все начальство смутилось-возмутилось... Муть мутью...

Выискался наконецъ добрый человѣкъ: старъ-старичекъ, весь лампаднымъ масломъ пропахнувшій, ладаномъ обкуранный...

Пришелъ по начальству:

— Я его, свирѣстѣльщика, дойму... Я его свистъ прекращу... Онъ у меня, ваши начальскіе лики, самъ въ петлю полѣзетъ!..

Заявился къ насмѣшнику жалостливый такой, елеиный и шамкалъ:

— Не свисти ты, голубъ мой сизокрылый, не свисти ты, маленькой мой, болѣзнь!.. У меня, можетъ, семья самъ-семь... малъ мала меньше!.. Охъ, вы дѣточки мои малолѣточки!..

И заплакалъ.

— Тещѣ на спосылъ деньжатъ готовъ, чтобы поѣдомъ не ѣла, ребятишекъ обуи-одѣнь, супругѣ ситцовъ на платьѣ укупи, самому себѣ валенки справь... Заѣла нуждишка!..

Разливается — плачетъ.

— А самъ я слабъ, а самъ я хилъ... Ноженки гудутъ, рученьки трясутся, головушка виснетъ!.. Повѣсься ты ради меня безо всякого свисту, благочинно, благопристойно, благонаравно!.. Сдѣлай ты мнѣ такое одолженіе, окажи ты мнѣ милость, соловушко перелетный, пѣвунъ голосистый!.. Вѣкъ тебя не забуду!.. Да и ко всему отъ свисту твоего, да отъ насмѣшекъ всѣмъ людямъ тошно... Ужъ очень ты неземной, а планидный!..

И жалко-жалко стало насмѣшнику старъ-старичка... И сказалъ онъ кротко, ласково-нѣжно:

— Ну, что-жъ, добрый человѣкъ, будь по твоему!.. Такъ и быть повѣшусь для ради твоего благоустройства, благоденствія и мирнаго житія.

Грустно улыбнулся и размѣялся горько послѣдній разъ.

И повѣсился самъ по себѣ, какъ и жилъ.

Даже улыбку съ лица прогналъ, чтобы все по закону было... И страхъ, и трепетъ явно проявилъ, чтобы не глумливо вышло, чтобы никого какъ ни на есть не обидѣть.

И когда петелька ласково стянула горло насмѣшника, онъ послѣдній разъ мечтнулъ:

— Милая моя, намыленная... жизнь моя... это ты?..

И петля нѣжно обняла его и перенесла на другую планиду, что на небо звѣздой вздернута.

Поплачьте, дѣтки.

Полярный.

ФОНТАНЪ ВЪ БОЛОНЬѢ.

Четыре прекрасныхъ наяды
За полныя груди свои
Схватились, и держатъ, и рады
Приливу жемчужной струи.
Надъ ними Нептунъ величавый
Стоитъ, молчаливъ и красивъ,
О дѣвахъ любви и забавы, —
О нихъ, навсегда позабывъ.
Онъ — богъ. Что-же помнитъ о дѣвахъ?
Имъ счастье, ему не бѣда,
Коль въ бронзовыхъ, трепетныхъ чревахъ
Четыре онъ зачалъ плода.

Сергѣй Городецкій.

САТИРЕНОКЪ.

Тамъ, гдѣ дачный берегъ дальній
По утрамъ туманно-мглистъ,
Томно млѣеть у купальни
Вислоухій гимназистъ.

Дырку выковырялъ въ стѣнкѣ:
Присосется къ ней, замретъ,
Задрожать его колѣнки,
Изо рта слюна течетъ.

Фельдшерицына сосѣдка
Высока, стройна, нѣжна...
Бьетъ въ глаза сатиру ѣдко
Обнаженная спина...

Эхъ, впустили-бы... Впился-бы
Въ мягкость рыхлыхъ, мокрыхъ тѣлъ...
Взгляды ползаютъ какъ крабы.
Онъ немногого-бъ хотѣлъ...

Вотъ и та раздѣлась—входитъ.
Бьется пьяная рука
И по дыркѣ слѣпо бродитъ
Злое жерло кодака.

Все сейчасъ запечатлѣетъ—
Профиль, спины и ан'фасъ:
Вѣдь не даромъ, бѣдный, млѣетъ,
Онъ съ утра четвертый часъ.

Лѣтній день красивъ и свѣтелъ,
Вѣтеръ съ рѣчки крикъ несетъ...
Чтобы кто-нибудь не встрѣтилъ,
Гимназистъ въ кусты ползетъ.

Прибѣжитъ домой—проявитъ
Шеи, руки, животы,
Ночью въ рамочку поставитъ,
Подъ покровомъ темноты.

И, отбросивъ томъ Майнъ-Рида,
Проворчитъ небрежно-вяль:
— Фу ты, право... Вотъ обида:
Акушерку-то не снялъ...

Арк. Буховъ.

РОКОВАЯ ЦИФРА.

...Я не устану утверждать, что языкъ любви международенъ, что никакіе словари не нужны тамъ, гдѣ теплится хоть маленькій огонекъ. Мой долгъ, друзья мои, предотвратить тѣ горькія минуты, которыя выпадутъ на вашу долю, если вы въ любви прибѣгнете къ словарю. Пусть пепелъ моей любви принесетъ вамъ ту пользу, которую приносятъ надписи: „берегись поѣзда!“ „берегите карманы!“ „осторожно, верхъ!..“

Она, Анни, была прекрасна. Если въ объектѣ моей прошлой любви, итальянкѣ Анжеликѣ, отразилось лазурное море, стройные кипарисы, розы, знойное небо и черныя звѣздныя ночи, то въ ней, въ финкѣ Анни, отразились гранитныя глыбы, стройныя сосны, тысяча озеръ и бѣлыя ночи. И поскольку для человѣческихъ нервовъ и кровообращенія полезны перемѣнные души, обдающіе то горячей, то холодной струей, постольку... Вы понимаете? Анни и Анжелика... Анжелика и Анни...

Вы понимаете!

Пока мы объяснялись на языкѣ боговъ—все шло, какъ нельзя лучше, по старому пути, усѣянному обломками стрѣлъ проказника-Амура, но стоило мнѣ прибѣгнуть къ словарю—и я потерпѣлъ крушеніе.

Въ одну особенно пылкую минуту нашего послѣдняго (увы) свиданія мнѣ пришла мысль назвать ее „моимъ яркимъ, прекраснымъ солнышкомъ“, назвать по-фински. Я напрягъ память... Ясно вставали передо мной столбцы русско-финскаго словаря... Я увѣренно произнесъ опредѣленія и... запнулся на «солнышкѣ»!.. Отчаявшись, я махнулъ рукой: дескать, и такъ понятно, что я люблю тебя. Но она требовала этого слова (вотъ оно финское упорство!), и я сталъ искать на небѣ солнышка, чтобы ткнуть въ него (ну да, конечно, издали!) пальцемъ. Но черныя тучи скрывали его.

Я глубоко убѣжденъ, что Анни прекрасно понимала меня, но ей хотѣлось услышать это слово изъ моихъ устъ. Женщины, вообще, вѣдь, любятъ, чтобы ставили точку на „і“. Я специально держу всегда при себѣ запасъ такихъ точекъ и при надобности щедро разставляю ихъ. Случалось, конечно, ставить ихъ и на „и“ восьмиричное, но это ужъ при особыхъ, смягчающихъ вину обстоятельствахъ...

Вдругъ, въ моей памяти промелькнуло слово „тарвехуоне“ и нелегкая (пудовъ въ сорокъ, не меньше!) дернула меня ляпнуть его, повторивъ прежнія опредѣленія.

Святые угодники!.. Увы, перо не выпадаетъ изъ рукъ моихъ (счастливы были старые писатели: у нихъ въ такихъ случаяхъ перо выпадало) и я могу описать все то, что произошло. У Анни глаза, словно желая лучше разглядѣть меня, выглянули нѣсколько впередъ и остановились съ точно такимъ (за достовѣрность ручаюсь!) выраженіемъ, которое было въ глазахъ древнихъ іудеевъ, когда они, въ паническомъ ужасѣ, обращали свой взоръ къ мѣдному змію. Потомъ Анни, закрывъ лицо своими маленькими ручками (5³/₄ сант.) зарыдала и... убѣжала. Я замеръ въ положеніи жены Лота, но въ соль не превратился, а если-бъ это случилось—моя квартирная хозяйка (я задолжалъ ей за три мѣсяца) обрадовалась бы: во мнѣ 4 съ чѣмъ-то пуда вѣсу и около 2¹/₂ аршинъ росту. Мировой судья, несомнѣнно, присудилъ-бы отдать ей меня.

— „Тарвехуоне“, „тарвехуоне“,—шепталь я, не зная, что именно означаетъ это слово. Въ одномъ я былъ твердо увѣренъ: это слово ничего общаго съ солнышкомъ не имѣло. Что оно означаетъ? спрашивалъ я себя и не находилъ отвѣта. Я отправился домой, чтобы заглянуть въ словарь. Словарь былъ русско-финскій и я, не зная русскаго значенія этого ужаснаго слова, конечно, не могъ найти его, но я могъ узнать: соответствуетъ-ли „солнышко“ этому слову. Увы, „солнышко“—по-фински—„ауринко“.

Я отправился въ ближайшій магазинъ. Попросилъ 2 кило „тарвехуоне“. Продавецъ сердито указалъ на дверь. Тогда я попросилъ 2 метра „тарвехуоне“—онъ еще настойчивѣе попросилъ меня уйти.

Слѣдовательно,—сказалъ я себѣ, „тарвехуоне“ не продается. Это, вѣроятно, нѣчто абстрактное. Я вернулся къ себѣ въ гостиницу и сказалъ швейцару это слово.

Онъ повелъ меня по коридору и остановился подлѣ узенькой двери, на которой тѣсно стояли двѣ одинаковыя цифры, принятая всѣмъ міромъ по молчаливому соглашенію, ни въ одномъ учебникѣ международнаго права не помянутому, для обозначенія мѣстъ не столь отдаленныхъ...

Я былъ ошарашенъ, пораженъ... уничтоженъ!.. Свѣтлое, чистое, хорошее, яркое чувство къ Анни я опоганилъ, опошлилъ однимъ, невѣрнымъ отвратительнымъ словомъ...

Теперь это нечисленное число преслѣдуетъ меня... И для меня число 13 является не столь роковымъ, какъ это...

Друзья мои, разговаривайте въ Финляндіи руками, если не хватить рукъ—ногами, но избѣгайте русско-финскихъ словарей!

Исидоръ Гуревичъ.

«ЦАРЬ-ПЛОТНИКЪ».

(Опера въ Народномъ Домѣ).

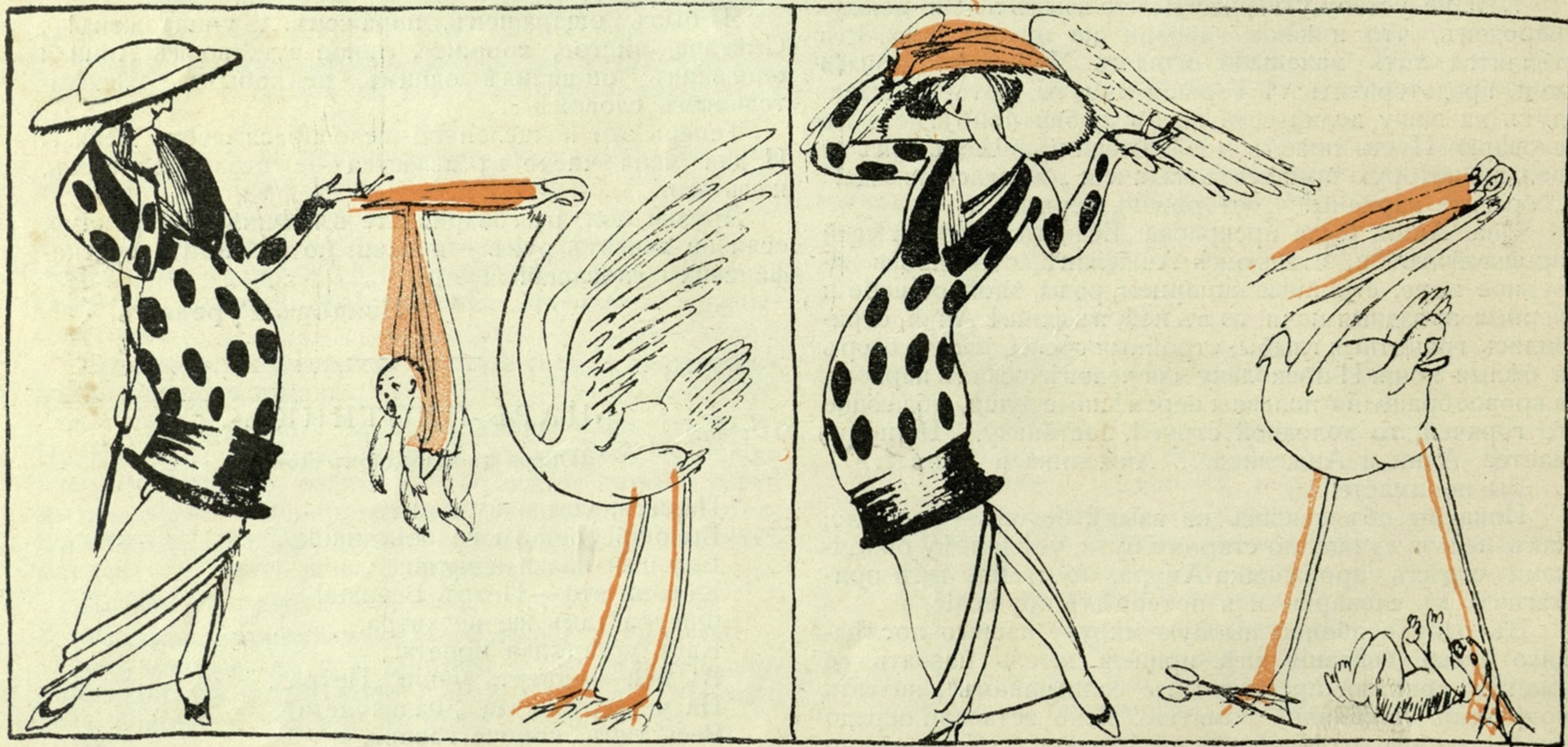
Парикъ, усы и кулаки...
Высокій ростъ и голосъ дикій...
Большая палка и чулки...
Едва-ли это—Петръ Великій!
Фигура такъ же не хитра,
Какъ устарѣлая монета:
Въ ней—четверть унціи „Петра“.
На четверть пуда „Фальконета“.
Весь типъ, короче говоря,—
Павлиньи перья и ворона:
Подъ гримомъ русскаго царя—
Фигура баса Энгель-Крона!

Вѣди.

Она: — Ты способенъ ради меня на подвигъ?
 Онъ: — О, можешь ли ты сомнѣваться?! Только скажи слово...
 Она: — ... Такъ подвисься, пожалуйста..

С О В Р Е М Е Н Н О Е .

Она: — Милый аистъ! какой чудный ребенокъ... подойди-ка поближе.
 Аистъ: — Наконецъ то! три дня таскалъ — никто не беретъ.
 Она: — Спасибо, аистъ! именно, о такихъ крыльяхъ я и мечтала для своей шляпки.

1) „Художникъ“:—Толпа! Я изобразилъ для тебя Генія Свободы! Въ его рукѣ горитъ яркій факелъ, который освѣтитъ всѣ темныя стороны твоей жизни, толпа.

2) Но такъ какъ теперь время лѣтнее, всюду пожары, а Геній народъ разсѣянный, то, чтобы онъ не надѣлалъ пожара, я даю ему въ другую руку огнетушитель.

3) А такъ какъ толпа лѣнива и за Геніемъ не пойдетъ, то я сдѣлалъ такъ, чтобы Геній Свободы не ушелъ отъ толпы!!

Дипломаты: — Какое коварство, какое предательство!! Турокъ началъ войну безъ всякаго предупрежденія... Онъ чуть-чуть было не забрызгалъ кровью наши фраки.

АВИАТОРЪ.

Надъ остріями колоколенъ,
Надъ дымами фабричныхъ трубъ
Взлетѣлъ онъ и глядитъ доволенъ,
Съ улыбкой гордо сжатыхъ губъ.
Тамъ гдѣ-то скрылась пасть ангара
Послѣдняя — изъ многихъ узъ;
Познавшій радости Икара,
Онъ съ небомъ празднуетъ союзъ.
Ему и въ высь и въ даль простора
Рѣшительный проложенъ путь.
И стрекотъ мощнаго мотора
Зовесть на смѣлаго взглянуть.
Ему враждебны вѣтры, птицы
И плотные туманы тучъ —
Драконъ нежданный, земнолицый
Онъ; какъ они — легко-летучъ.
Тонка живая паутина —
Пропеллеровъ — вихреворотъ.
Лоскутъ — холщевая крылина
Средь нескончаемыхъ широтъ.
Какъ страненъ городъ въ мути синей, —
Въ каналахъ не видна вода,
Какъ малъ чертежъ короткихъ линий,
Какъ медлятъ черви — поѣзда.
Какъ щедро льется позолота
На облачные корабли.
Но упоительнѣ взлета, —
Въ паденіи плавномъ ждуть земли.
„Прощай, просторъ повечерѣлый!“ —
Стремительно летитъ назадъ...
Одинъ, другой виражъ умѣлый...
И приземляетъ аппаратъ.

Александръ Рославлевъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
БОЛЬШОЙ СПЕЦІАЛЬНЫЙ номеръ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
„ПОЧТОВОМУ ЯЩИКУ“
номеръ печатается въ 9 красокъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Хлопотунъ.

Новый полтавскій губернаторъ посѣтилъ Кременчугъ. Членамъ представлявшей ему еврейской депутаціи онъ руки не подалъ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, предложенныхъ имъ раввину, было слѣдующее: „почему еврейскіе мальчики не снимаютъ шапки при встрѣчѣ со мною по улицѣ?“ На приглашеніе раввина посѣтить синагогу, губернаторъ отвѣтилъ: „Упаси Боже, не могу этого сдѣлать“. Въ тотъ же день, узнавъ, что въ городѣ играетъ уже около мѣсяца еврейская труппа, онъ предписалъ полицеймейстеру выселить артистовъ, такъ какъ-де воспрещены спектакли на жаргонѣ.

Къ сожалѣнію, газеты не указываютъ дальнѣйшихъ распоряженій губернатора относительно еврейскихъ мальчиковъ и синагоги. Вѣроятно, покончивъ съ еврейской труппой, губернаторъ синагогу сжегъ, а мальчиковъ перевѣшалъ.

И по дѣломъ — кланяйся, паршивецъ, губернатору, который изъ-за тебя ночей не спитъ, все думаетъ — что бы еще такое устроить населенію?

Ну, и, конечно, устраиваетъ...

Сѣно и солома.

„Благовѣщенское Эхо“ пишетъ:

Генераломъ Лисовскимъ 29 и 31 мая производился ратникамъ смотръ. Генералъ остался доволенъ. Во время отбыванія учебнаго сбора, встрѣчались ратники, не обладающіе достаточными умственными способностями. Нѣкоторые не знали даже правой и лѣвой стороны, и имъ привязывали къ одной ногѣ сѣно, а къ другой солому и производили команду не „въ право и лѣво“, а „сѣно“, „солома“.

Однако, и этотъ способъ можно признать несовершеннымъ, если принять во вниманіе, что человѣкъ, не различающій „право“ отъ „лѣво“ — можетъ не различить и сѣна отъ соломы.

Цѣлесообразнѣе въ такихъ случаяхъ привязывать неопытному человѣку къ лѣвой ногѣ мать, а къ правой — отца и командовать на „маму“ и „папу“.

И группа получится живописнѣе и порядку будетъ больше.

Эпиграфъ къ дѣлу Бейлиса.

Вильно. Товарищъ прокурора Филипповъ на концертѣ ударилъ еврея, крикнувъ: „Нечего съ жидами церемониться“.

Товарищъ прокурора...

Мы не знаемъ точно техники этого дѣла, но можемъ все же дать одинъ совѣтъ прокурорамъ: поостерительнѣе выбирать себѣ товарищей.

Времена...

„День“ пишетъ:

Статья, за которую оштрафована наша газета, представляетъ собою телеграмму участниковъ славянскихъ обѣдовъ С. Д. Сазонову и В. Н. Коковцову и подписана бывшимъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ А. А. Башмаковымъ.

Надо радоваться, что наступили такіа либеральныя времена: за перепечатку телеграммъ редактора „Правительств. Вѣстника“—штрафуютъ, а за перепечатку статей народовольца Льва Тихомірова — даютъ субсидію.

Корова изъ календаря.

Забавный газетный скандалъ:

Въ газ. „День“ была напечатана „корреспонденція изъ Самары“ о коровѣ ревизора дороги Гривцева, которую везли съ комфортомъ, прицѣпивъ вагонъ къ ускоренному поѣзду, а на нѣкоторыхъ станціяхъ для встрѣчи коровы выходили даже начальники станцій, давая телеграммы: „корова съ поѣздомъ № 991—прослѣдовала благополучно“.

Теперь:

Если кто-нибудь имѣетъ отрывной календарь Отто Кирхнера за 1913 г. и найдетъ тамъ листокъ отъ 3-го Іюня—онъ прочтетъ на обратной сторонѣ его всю исторію съ самарской коровой—полностью. Въ календарѣ.

Сколько же лѣтъ этой коровѣ, если она даже въ календарь попала?

Знаменитыя коровы, какъ знаменитые люди—давно уже умерли и превратились въ прахъ,—а о нихъ все еще въ газетахъ пишутъ.

Маякъ.

Рѣдкій муниципалитетъ умѣетъ такъ ловко использовать городское имущество, какъ Архангельскій. Какъ пишетъ „Архангельскъ“.

Нѣсколько времени тому назадъ изъ моста вывалилась доска, на мѣстѣ которой образовалась дыра около сажени въ длину и фута въ ширину. Въ дыру вставленъ кусокъ бревна, торчащій наружу до полуаршина, который и предупреждаетъ проѣзжающихъ объ опасности.

Такимъ образомъ никуда негодный мостъ, въ какіе-нибудь пять минутъ можетъ быть обращенъ въ прекрасно-оборудованный маякъ, предупреждающій объ опасности. Если къ этому еще прибавить карету скорой помощи, поставленную невдалекѣ, въ кустахъ—такое хозяйство можно назвать образцовымъ.

Человѣческія отношенія.

Изъ кордегардіи при одномъ изъ петербургскихъ полицейскихъ участковъ бѣжалъ профессиональный воръ Петрусовъ. Бѣглець оставилъ письмо на имя прокурора, въ которомъ говорить, что онъ не любитъ лѣтомъ сидѣть въ тюрьмѣ, обѣщаетъ осенью вернуться добровольно и отбыть срокъ заключенія. „Теперь же я,—говоритъ въ заключеніе воспитанный воръ,—поѣду полѣниться на югъ. Очень извиняюсь передъ вами и полиціей за безпокойство“.

Предполагаютъ устроить профессиональные курсы для сыщиковъ...

Вотъ человѣкъ, который могъ бы взять на этихъ курсахъ кафедру вѣжливаго обращенія, котораго такъ недостаетъ будущимъ слушателямъ.

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

— Ну-съ, госпожа Петрова, примемся теперь за разборъ этого предложенія.

— Не могу!

— Это почему-же?

— А потому, что мама приказала намъ принимать предложенія безъ разбора.

PRIX-FIXE.

— Ну, что, Петя? Какъ сошла математика?

— Срѣ-ѣ-зали!

— Да на чемъ же?

— А учитель спросилъ: „сколько будетъ трижды девять“.

— Ты, конечно, отвѣтилъ: 27.

— Кой чортъ 27! Я ему уже давалъ 42, а онъ и то не хотѣлъ брать.

Tanglefoot.

ЭПИТАФІЯ.

Питомцевъ Музъ святой завѣтъ
Онъ сохранилъ въ душѣ донинѣ,—
Но вмѣсто лиры нашъ поэтъ
Бряцалъ на пишушей машинѣ...

Тоской небесною горя,
Онъ не сложилъ богамъ пѣана,
Не пѣлъ Дедала-кустаря, —
Онъ славилъ лѣтъ аэроплана.

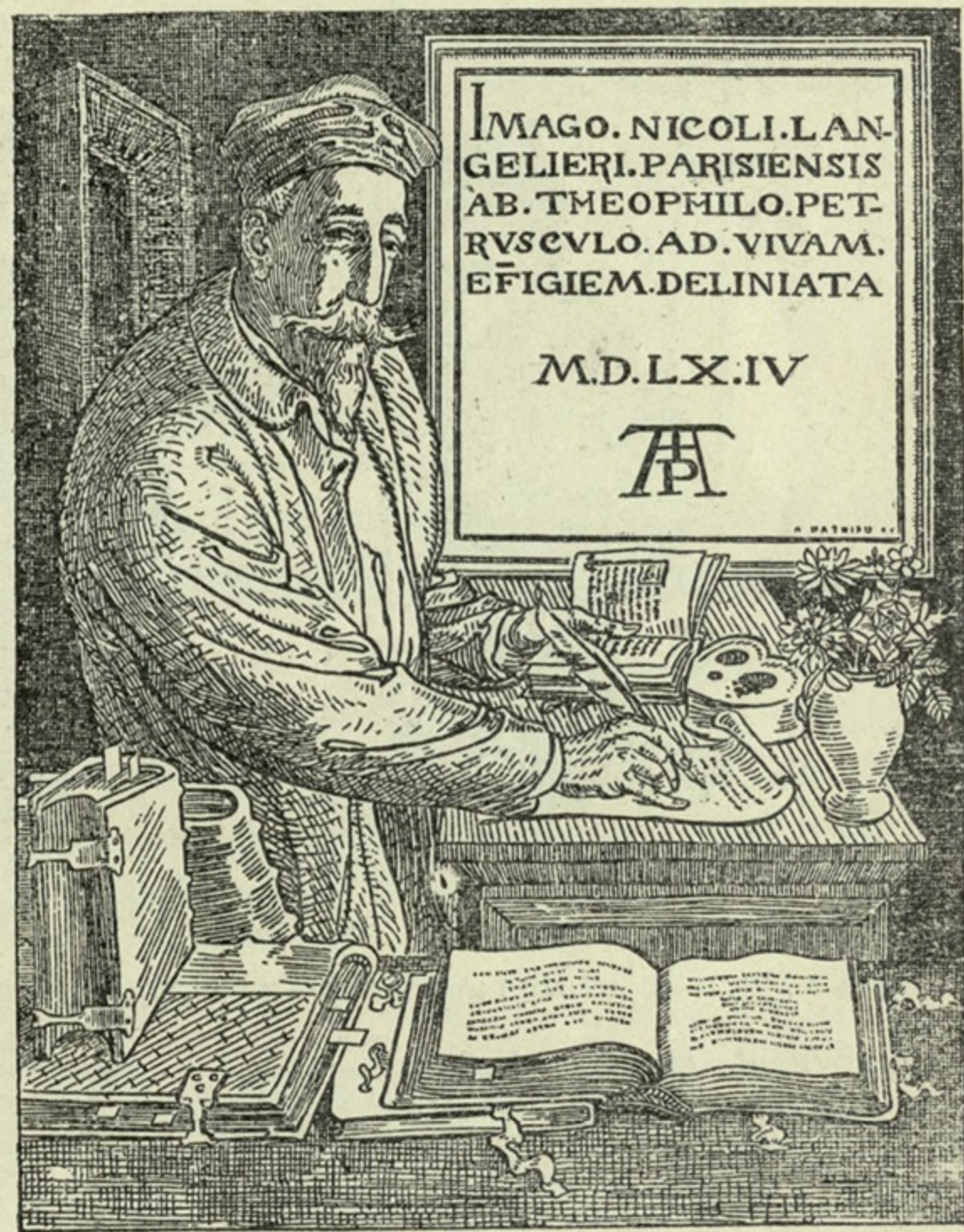
Поэтъ не лавромъ, невѣнкомъ
Почтенъ на играхъ Олимпійскихъ,—
Хранилъ онъ вырѣзокъ альбомъ
Изъ желчныхъ критиковъ російскихъ.

Теперь его отъ бранныхъ путь
Освободила смерть въ больницѣ,
И нимфы скорбно не замрутъ
Плакучей ивой надъ гробницей...

Красный.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.

Рис. Стейнлейна.

ПАРАДОКСЫ АНАТОЛЯ ФРАНСА.

Если бы мы разсматривали фигуры душъ человѣческихъ, какъ геометрическія фигуры, мы не сердились бы на глупцовъ. Вѣдь не сердится же математикъ на уголъ, который изъ-за того, что ему не хватаетъ какихъ-нибудь пяти—шести градусовъ, не обладаетъ свойствами прямого угла.

Я не радуюсь, когда я присутствую при кончинѣ какого-нибудь стараго предрасудка. Я думаю о новомъ предрасудкѣ, который явится на смѣну почившему и съ безпокойствомъ спрашиваю себя, не будетъ ли онъ еще болѣе несносенъ и опасенъ, чѣмъ его предшественникъ? Здраво разсуждая, старые предрасудки менѣе опасны, чѣмъ новые: время, изнашивая ихъ, стираетъ ихъ острые углы и дѣлаетъ ихъ почти невинными.

Старцы черезчуръ крѣпко держатся за свои убѣжденія. Вотъ почему туземцы острововъ Фиджи убиваютъ своихъ родителей, когда они становятся стариками. Они облегчаютъ этимъ путемъ эволюцію идей, тогда какъ мы, основывая академіи, задерживаемъ эту эволюцію.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Маленькому Фаусту. — Нехорошо писать Фаустъ:
— „Прохоръ благоговѣнно стоялъ съ колѣнопреклоненной головой“.

Еще если бы вы написали „съ колѣнопреклоненнымъ головой“ — это было бы допустимо. Но нигдѣ въ разсказѣ о городскомъ головѣ не говорится ни слова.

Оставляемъ физическое сложеніе Прохора на вашей совѣсти.
Здѣсь. — Козодою. — У Козодою странное представление о функцияхъ редактора:

— „Ну, что вамъ стоитъ выкинуть штуку, напечатать мои разсказы“.

Сдѣлали болѣе того: выкинули три штуки.

Б. Москва.

Москва — Переплеткову, Ив. — ...„Сообщите, сколько платите гонорара. Не люблю покупать kota въ мѣшкѣ“.

Къ сожалѣнію, всякія торговыя сдѣлки съ вами принуждены отклонить.

Графиня Прификсъ. — Отрывокъ стихотворенія:

... Идти на поѣздъ скорый
И укажить въ столицу,
Тамъ докторъ чернобровый
Мнѣ смажетъ поясницу.

Поможетъ-ли? Вѣдь стихи, все равно, не перестанете писать.

В. Провинція.

Сѣвскъ. — Кузнецову. — „Чеснокъ“ и „Пятакъ“ — не рифмы. „Эксклизъ“ не пишутъ. Поэтому, ваше желаніе — съ помощью гонорара „затыкнуть въ бюджетъ дырки“ — не можетъ быть исполнено.

Кіевъ. — Тьмутаракану (Николаевск.).

— „Прошу напечатать „Мечтателя“. Сколькимъ редакторамъ я этотъ разсказъ ни посылалъ — ни одинъ дуракъ не напечаталъ“.

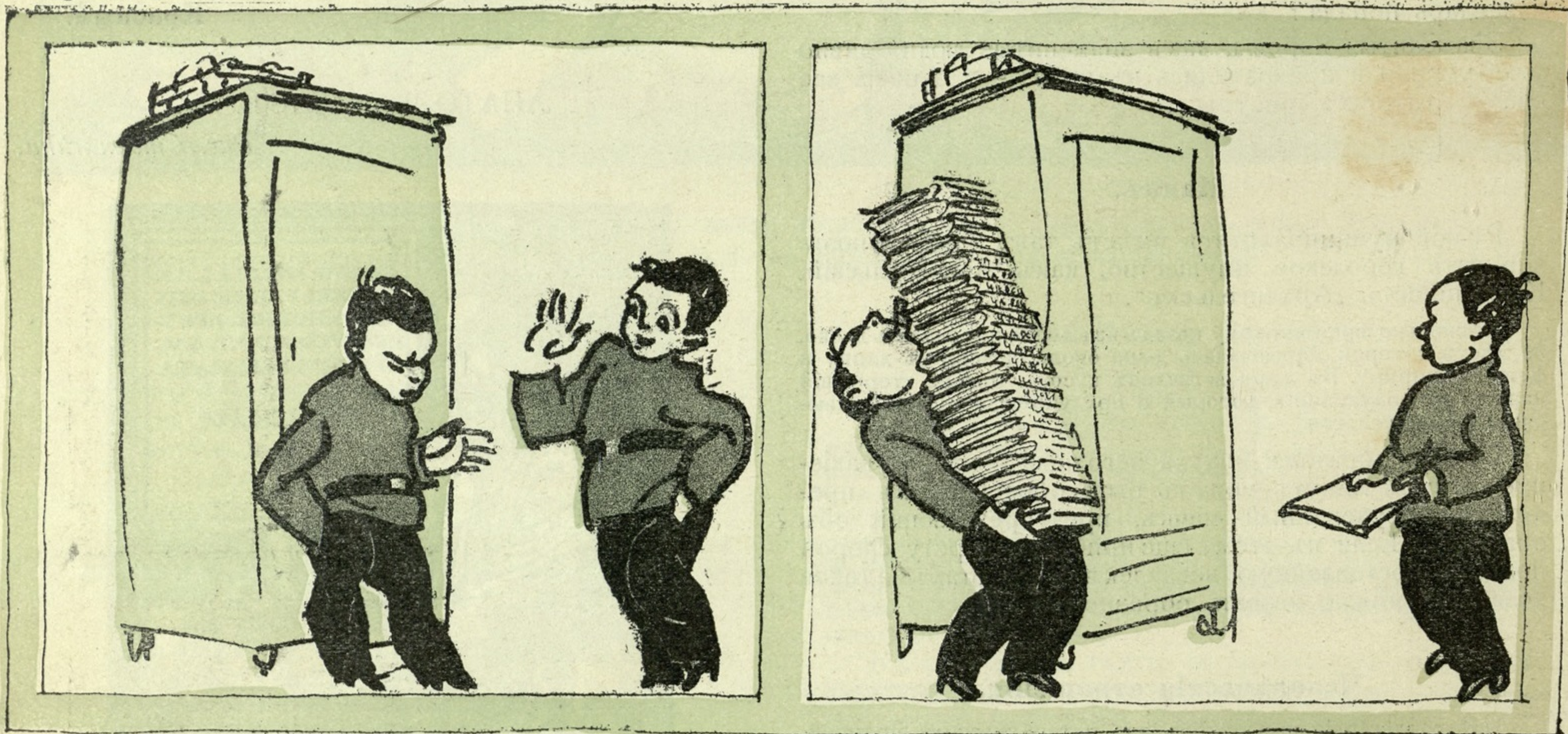
А вы думаете, редакторъ „Сатирикона“ умнѣе? Ничего подобнаго.

Ave.

ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА.

(Посвящается нашимъ критикамъ).

Рис. А.Юнгера.

Гриша и Митя яростно заспорили—кто лучше: Сервантесъ или Чарская?

— Чарская!—кричалъ Гриша.
— Сервантесъ!—визжалъ Митя
— Хорошо-же,—сказалъ Гриша.—Неси...

...сюда своего Сервантеса, а я притащу свою Чарскую и устроимъ конкурсъ.

Такъ и сдѣлали.

— Теперь смотри, — торжественно сказала Гриша. — Вотъ тамъ наверху лежитъ пирожное. Я его, конечно, достану съ помощью Чарской. Видишь? Попробуй-ка ты, достань со своимъ паршивымъ Сервантесомъ?!

И, конечно, побѣдилъ Гриша!
И устроилъ себѣ пиръ въ честь побѣдительницы на конкурсѣ всемирной литературы...

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДЛЬФА РОДЭ
у Строганова моста.
Телеф. 77-34 и 136-60.

Сегодня полная перемѣна программы.

Всемирно-знаменитая труппа арабовъ 12 ВЕЗЗАНЪ 12 изъ Лондонскаго Alhambra theater. М-р АЛЬБЕРТЪ, М-сс ЛИЛИ изъ Лондонскаго theatre Hippodrome. АМЕРИ и ЖУАНИТА, аттракціонъ спорта изъ theatre Olympu. М-лле ДЕЛЬБАА, этуаль théâtre Scala. CHARLES-MONTRELL. PEWITT. М-лле Тамара. Женистефи. Попова. Люси Обреонъ. Клео де-Ліонъ. Дорисъ Пальмеръ. Сестры Рене. Горностаи и мн. др.

ДѢТНИЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЬ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.
Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ,
М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жъ Аренской, Варламовой, Гуріэлли, Зброж-Пашковской, Кавецкой, Лерма, Тамары, Шуваловой;
Г-дъ Александровскаго, Брагина, Коржевскаго, Ростовцева и др.
Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!
: Новые дебюты!
Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія
билеты въ театръ, за входъ въ садъ не
платять.

СЛОЖНЫЙ КРОВОЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ. Удостоенъ высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ питательныхъ веществъ въ Лондонѣ.
Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.
Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. — Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты, Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при малокровіи, ослабленіи организма, невралгіи, истеріи и проч. Съ большимъ успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ! Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67. Р. S. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка на домъ бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?

за завтракомъ обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВЪНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ☞ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Тома Опискинъ

Сорные травы

съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

Продолжается подписка на 1913г. на большую новую ежедневную, политическую, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе— вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обмѣнъ уже объединили неразрывной духовной связью разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакция надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ специальнымъ и общественно-литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы А. М. Александрова, С. Я. Арефина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бодуэнъ де Куртэнъ, Ив. Бунина, Юліи Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Велхова, Веревкина (Пекинъ), Н. М. Волковскаго, Юрія Верховскаго, чл. Гос. Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ (Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл. Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Гефдингга, В. Динъ, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елачича, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова, И. В. Жилкина, З. Н. Журавской, Бориса Зайцева, Е. А. Зноско-Боровскаго, А. П. Иванова, Ф. Канелюна (Вина), проф. А. А. Кауфмана, проф. Максима Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Котляревскаго, О. Я. Ларина, Б. Лебедева (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова, проф. П. И. Люблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Маклакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова, В. П. Обнинскаго, Н. А. Окунева, Б. С. Орчичина, В. Д. Плетнева, проф. А. Е. Прѣснякова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корсаковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Русилова (Константинополь), А. Н. фонъ-Рутцена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тяншанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Соколова, А. А. Стаховича, Любови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Стровой, кн. Евг. Трубецкаго, А. В. Тырновой (Вергесскій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Флейшицъ, С. Л. Франка, чл. Гос. Думы М. В. Челнокова, А. Чернаго (Самы Чернаго), И. М. Черногорова (Берлинъ), В. Ф. Шимарева, Г. Н. Штильмана, К. М. Шумскаго, Justus (Собія), Ва. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 12 м.—9 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 75 к., на 1 м.—1 р. При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб., къ 1-му апрѣля — 3 руб. и къ 1-му августа — 2 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна понижена: на 12 м.—7 р. 20 к., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—80 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля — 2 р. 50 к. и къ 1-му августа — 1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Троицкая ул., д. 15—17. Тел. 121-54.
Адресъ редакціи: Спб., Троицкая, 15—17. Тел. 121-44.
Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русомолва.

„Аркадій“

САВЕРЧЕНКО

Чернымъ по бѣлому.

Складъ изданія: Спб., Книжный складъ
„ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Правая стѣна (отъ входа) съ плакатами—въ помещеніи редакціи и конторы „Новаго Сатирикона“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Здѣсь, какъ нельзя болѣе, умѣстно краткое изложеніе семейной трагедіи провизора Блюма и его жены Софьи Яковлевны...

Дѣло было такъ:

Провизоръ Блюмъ (подписчикъ „Нов. Сатирикона“) женился на Софьѣ Яковлевнѣ (розничной покупательницѣ „Нов. Сатирикона“).

До брака въ предсвадебныхъ хлопотахъ эта идейная рознь молодыхъ людей не была замѣтна; но не то обнаружилось послѣ свадьбы,—въ первый же день, когда молодой провизоръ получилъ по почтѣ аккуратно обандероленный № „Новаго Сатирикона“.

— Ой,—радостно сказала молодая жена, увидѣвъ въ рукахъ мужа свѣжій номеръ.—Ты уже получилъ? Смотри-ка! А я куплю у газетчика только завтра. Дай-ка мнѣ его прочесть...

— Если ты розничная,—разсудительно возразилъ мужъ,—такъ ты и прочесть завтра. Пожалуйста, не приставай къ подписчику.

— Володя! — заплакала жена. — Ты же мужъ, и ты долженъ исполнять мои капризы.

— Что можетъ быть между нами общаго, — сурово возразилъ мужъ. — Я подписчикъ, а ты розничная. Зналъ бы, такъ никогда бы не женился!.. Что это въ самомъ дѣлѣ за необеспеченность? Не приставай ко мнѣ, дай прочесть журналъ! Ну?

Жена заплакала, Блюмъ ударилъ кулакомъ по столу, жена заявила, что она уѣзжаетъ къ матери, Блюмъ посоветовалъ уѣхать, хоть къ черту на кулички, жена укладывала чемоданы, а Блюмъ лежалъ на кушеткѣ и, посвистывая, читалъ свѣжій номеръ журнала, даже не взглянувъ на уѣзжающую жену.

Такъ кончилось семейное счастье семейства Блюмъ.

А отъ себя мы добавимъ: пусть лучше мужъ и жена подписываются дважды на „Нов. Сат.“, чѣмъ разрушаютъ нелѣпой экономіей семейный очагъ—эту твердую опору общества, религіи и государства!!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ
на журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“. Редакторъ Аркадій Аверченко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ дост.) 6 р. Съ перес. и дост. 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к.,
3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 к.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Съ 15 Іюля всю корреспонденцію, посылаемую на мое имя—прошу направлять или по адресу моей новой квартиры (Троицкая, 15) или по адресу „Новаго Сатирикона“ — Невскій, 98.

Аркадій Аверченко.

СЕКРЕТНО

(въ запечат. пакетѣ) высылаю фотографическіе снимки парижск. жанра особо пикантные, налож. плат. цѣна 10 шт. 3 р. 10 к. и 5 р. 15 к. (будуарный размѣръ).

Москва, комм. ящикъ № 2099. Іюл. Янъ.

Путь къ счастью. Какъ надо жить. Сочиненіе д-ра философіи Ф. Кирхнера. 1 р. 75 к. Популярный профессоръ старается указать намъ, какъ можемъ мы примириться съ жизнью и гдѣ и въ чемъ можемъ искать утѣшеній и наслажденій, которыя даетъ намъ природа, искусство, чтеніе, дружба, домашній очагъ, религія, трудъ и отдыхъ, рисуя свѣтлую будущность человѣка. Все сочиненіе проникнуто ободряющимъ духомъ. Трезвые взгляды проводятся имъ въ такой легкой популярной формѣ, что книга эта является необходимою каждою читателя и будетъ прочтена имъ съ громадною для себя пользою.

Электричество вездѣ и къ услугамъ всѣхъ и каждого. Общедост. основныя начала объ электричествѣ, элементахъ и пр. Изготовленіе аккумуляторовъ, элементовъ, сухихъ батареекъ. Какъ устроить электрическое освѣщеніе при помощи элементовъ, установка телефоновъ, электрическихъ звонковъ. Подробные расчеты, чертежи и пр. Маленькія динамо-машины, электродвигатели. Гальванопластика: золоченіе, серебрѣніе. Устройство телефона домашними средствами. Ц. 2 р. 50 к. Заказы выполняются по полученіи стоимости или же съ наложеннымъ платежомъ. Книгоизд. и книжн. складъ И. И. ВАНЬКОВИЧЪ. СПБ., Итальянская ул., № 14/120.